

ВИКТОРИЯ
СМИТ

ВЕДЬ МЫ

**КАК БИЗНЕС-ЛЕДИ
И МАМОЧКИ СТАЛИ
ГЛАВНЫМИ ВРАГАМИ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Колibri
МОСКВА

УДК 175.5
ББК 88.54
С50

Victoria Smith
HAGS: The Demonisation of Middle-Aged Women
This edition is published by arrangement with Hardman
and Swainson and The Van Lear Agency LLC

Впервые опубликовано в Великобритании в 2023 г. издательством Fleet

Перевод с английского Ольги Савченко

Смит В.
С50 Ведьмы: как бизнес-леди и мамочки стали главными врагами человечества / Виктория Смит ; [пер. с англ. О. Савченко]. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2025. — 256 с. — (Женская территория).
ISBN 978-5-389-23328-7

Мы не замечаем этого в 20, стараемся игнорировать в 30, но ближе к 40 непременно понимаем: нас обманули. Никакие достижения феминисток XX века не помогли женщинам справиться с бесконечным круговоротом домашних дел, как и с ворохом стереотипов, растущим пропорционально количеству свечей на торте. Ни одна песня Тейлор Свифт не объяснила, что делать, когда, вся такая сильная и независимая, ты достигаешь возраста, когда даже слабая и зависимая не то чтобы кому-то нужна. Никто не подготовил тебя к тому моменту, когда из главного человека в жизни каждого ребенка ты становишься «безнадежно устаревшей мамашей».

Постоянная колумнистка *Independent, Telegraph* и нескольких других изданий Виктория Смит уверена: мы можем все изменить. Но, чтобы построить общество, в котором женщины не вынуждены гнаться за постоянно меняющимися стандартами красоты, в котором домашний труд женщин ценится не меньше, чем работа в офисе, и в котором материнство — привилегия, а не унижительная обязанность, нужно для начала признать: молодые и старые, богатые и бедные, домохозяйки и бизнес-леди, все мы — члены самого большого сообщества на Земле. Женщины.

УДК 177.5
ББК 88.54

ISBN 978-5-389-23328-7

© Victoria Smith, 2023
© Савченко О. В., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2025
КоЛибри*

Посвящается всем *ведьмам* —
нынешним, бывшим
и только ожидающим этой участи

Содержание

Предисловие	9
Глава 1. УРОДЛИВАЯ ВЕДЬМА	33
Глава 2. ОТВРАТИТЕЛЬНАЯ ВЕДЬМА	62
Глава 3. ГРЯЗНАЯ ВЕДЬМА	87
Глава 4. ВЕДЬМА НА «НЕПРАВИЛЬНОЙ» СТОРОНЕ ИСТОРИИ	108
Глава 5. ФРИГИДНАЯ ВЕДЬМА	133
Глава 6. ВЕДЬМА-ИНТРИГАНКА	160
Глава 7. ПРИВИЛЕГИИ ВЕДЬМЫ	187
Глава 8. МЕРТВАЯ ВЕДЬМА.....	219
Послесловие	241
Благодарности	252

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ведьмы из сказок всегда наряжаются в дурацкие черные шляпы и темные одеяния — и, конечно же, летают на метлах. Но наша история — не сказка. Мы расскажем о настоящих ведьмах!

Роальд Даль
Ведьмы¹

Чтобы получить полноценное представление о жестокости церкви в отношении ведьм, попробуйте поменять слово «ведьмы» на слово «женщины».

Матильда Джослин
Гейдж

Женщина, церковь
и государство
(Women, Church and State)

Вы вряд ли помните фильм под названием «Роковое влечение»², но в 80-е он наделал много шума своей антифеминистической повесткой и... непреднамеренной комичностью. Главная героиня фильма по имени Алекс, сыгранная Гленн Клоуз, — психованная стерва, не понимающая намеков (что становится очевидным при попытках парня по имени Дэн бросить ее после жаркого секса в выходные). Несмотря на громкие заявления режиссера о том, что Алекс является «типичной одинокой женщиной, отчаянно пытающейся компенсировать тот факт, что не является мужчиной», а также на то, что многим мужчинам фильм помог утвердиться в своих женоненавистнических взглядах (в одной из сцен Алекс кидает в кипяток домашнего кролика дочери Дэна, и вы бы только знали, скольких женщин после этого обзывали «убийцами кроликов»), я все-таки его люблю.

¹ Даль Р. Ведьмы / Перевод Е. А. Суриц. Серия «Роальд Даль. Фабрика сказок». М.: Самокат, 2018.

² Англ. *Fatal Attraction*, 1987. Режиссер Эдриан Лайн.

Вообще, чем старше я становлюсь, тем больше замечаю: проблемы персонажей, подобных Алекс (старых дев — убийц, злых мачех и бывших жен), кажутся мне все более и более близкими. Особенно мне нравится фраза героини Гленн Клоуз: «Я не позволю себя игнорировать!» Когда-то мы с подругой использовали ее просто ради шутки, добавляя акроним ЯНПСИ в конце электронных писем, — что было особенно смешно, если получателем был один из тех мужчин, что воспринимали всех женщин как таких Алекс. Позже я узнала, что эти слова нравились не только нам двоим, но и многим другим женщинам. «Я просто хотела быть частью твоей жизни!» — кричит Алекс. «Ты не отвечаешь на мои звонки, ты поменял номер, но я не позволю себя *игнорировать*, Дэн!» Думаю, вы понимаете, почему эта фраза — особенно с ударением на предпоследнем слове — так запала нам в душу.

Конечно, нельзя сказать, что с возрастом все женщины начинают отождествлять себя с маньячками-убийцами. Это просто метафора, передающая чувство того, что мир воспользовался тобой, а потом выбросил. Феминизм сменил номер и больше не отвечает на звонки, а на попытки выразить недовольство отвечает снисходительным тоном Дэна: «Ты просто неправильно все поняла». Примерно так чувствуют себя женщины старше тридцати пяти, и у них нет никакой возможности изменить ситуацию, не показавшись при этом злобными, скандальными и/или безумными.

Согласно распространенному мнению, достигая средних лет, женщины... просто становятся «невидимыми». Но это не так! Мы все еще здесь — однако теперь нас игнорируют. Окружающие люди отказываются признавать и ценить нас. Часто подобная «невидимость» воспринимается как меньшее из зол или даже как преимущество зрелого возраста (теперь к нам не пристают на улице, разве мы не должны радоваться?). Мы будто больше не можем рассчитывать на внимание и любовь в любой из ее форм, но, согласно общему мнению, истинной причиной нашей злости является невозможность оставаться сексуальными объектами. Ведь так просто свести все к тому, что женщины якобы хотят, чтобы на них смотрели как на куски мяса!

Раньше я и сама считала «невидимость» скорее не проблемой, а способом избавления от объективации. Я даже чувствовала определенное превосходство над женщинами, которые пытались

сопротивляться естественному порядку вещей. Но позже я с пригорбем осознала: игнорирование вовсе не знаменует собой конец объективации. Вы все еще объект, просто в изменившемся статусе: из картины или статуи вы стали, скажем, вешалкой.

Я особенно остро чувствую эти изменения в течение последних пяти-шести лет, двигаясь от сорока к пятидесяти годам. Мужчины моего возраста и старше разговаривают с более молодыми женщинами как со своими ровесницами, а меня просто не замечают. Пытаясь вклиниться в их беседу, я чувствую себя абсолютно ничтожной — меня еле терпят, как будто я ошиблась дверью и зашла туда, где меня не ждут. И это не только мое ощущение.

В 1978 г. писательница Сьюзан Зонтаг предложила термин «двойной стандарт старения» (*the double standard of aging*) для описания того, как под влиянием сексистского эйджизма меняется статус женщины — особенно с оглядкой на ее внешность. И с тех пор, что бы ни говорили вам бодипозитивные феминистки, давление на женщин не ослабело, а, напротив, усилилось. А растущее количество дорогостоящих способов выглядеть молодо просто не оставляет возможности не следовать заданным стандартам красоты. В 47 лет женщина (в данном случае я) уже достигает пика своей карьеры, в то время как мужчина продолжает свое восхождение еще следующие лет десять. Осенью 2018 г. на сайте BBC/Ofcom вышла статья, в которой утверждалось, что недостаточная представленность женщин на телевидении сводится исключительно к малому количеству женщин в старших возрастных группах. Как заметила Ники Кларк, основательница кампании «Соответствуя своему возрасту» (*Acting Your Age*), средний возраст мужчин, номинированных на премию BAFTA¹ между 2000 и 2021 гг., составляет примерно 45 лет, тогда как у женщин он сдвигается к 30. Она также отметила, что лишь 9% британских телезрителей могут узнать больше 15 актрис старше 45 лет, в то время как 48% зрителей узнают более 15 актеров того же возраста. Мир до сих пор верит в то, что женщина не может предложить ему столько, сколько предлагает мужчина, и, следовательно, заслуживает меньше наград (в идеале, конечно, нас стоит вообще убрать с экранов).

¹ BAFTA (British Academy of Film and Television Arts) — Британская академия кино и телевизионных искусств.

ВЕДЬМЫ

Все это очень печально. И дело не только в том, что игнорирование уже само по себе подразумевает невозможность привлечения внимания. Женщины моего возраста чувствуют, что могут дать миру даже больше, чем в годы юности. В своей статье для газеты *Guardian* Рэйчел Шаби в 2021 г. писала: «Когда к сорока годам женщина наконец обретает уверенность в себе и своем деле... с ней вдруг резко перестают считаться». Такое положение дел не кажется мне случайным. Современная феминистическая повестка часто упускает из виду, что опыт женщин средних лет и старше ценен не только потому, что для его накопления требуется время (заметьте, в отношении мужчин это является доминирующей точкой зрения), но и потому, что он включает в себя и опыт взаимодействия с сексизмом. Самое унижительное во всем этом то, что, если мы начнем сопротивляться, мы можем лишь ухудшить ситуацию.

Так уж вышло, что я достигла среднего возраста как раз в тот момент, когда повестку захватили так называемые сторонники «социальной справедливости», утверждающие, что общество делится на угнетателей и угнетаемых, и (упс!) если ты не нищий афроамериканец с наркотической зависимостью, то твоя участь — платить и каяться. А уж если ты еще и женщина среднего возраста, то называть тебя «старой привилегированной ведьмой» — практически обязанность каждого честного человека.

Впрочем, чем больше я углубляюсь в этот вопрос, тем чаще нахожу в каждой эпохе свою ведьму/мегеру/тешу/истеричку, используемую как собирательный образ для всех неподобающе громких/заметных взрослых женщин. В современном контексте эйджистского сексизма жалобы менеджеру и качание прав — страшные, но типичные грехи, свойственные женщинам средних лет. Именно они оказываются самыми ужасными матерями, самыми ужасными алкоголиками... и просто самыми ужасными.

Конечно, я спрашивала себя: может, так всегда и бывает, когда начинаешь стареть и больше не понимаешь современную молодежь? Тебе нравится «не та» музыка, у тебя отвратительный вкус в одежде, твое лицо становится лекалом для масок на Хэллоуин, а на протестных маршах люди размахивают чучелами таких же, как и ты, женщин, но с отрубленными головами. Мне говорили,

что «отвали, старая ведьма» — это гендерно-нейтральное оскорбление и что я нуждаюсь в новом, более свежем и современном опыте существования в социуме в качестве женщины. Я серьезно задумывалась о том, не является ли моя попытка существовать в публичном пространстве, высказываться в защиту таких же, как я, людей, встречаться с ними и обсуждать новости женским эквивалентом кризиса среднего возраста? Кто хочет быть одной из тех женщин, которым «не стыдно пожаловаться менеджеру на плохое обслуживание»? Может, лучше замолчать и не позориться?

Конечно, так было бы гораздо удобнее. «Да, — отвечает одна из женщин, у которых я брала интервью, — предполагается, что мы просто исчезнем. Я думаю, что именно поэтому женщин и перестает беспокоить чужое мнение. Все такие: “мы вас не слышим” или “мы вас слышим, но вы совершенно неправы, да и вообще вы, слава богу, все скоро вымрете”». Именно женщин, недовольных тем, что их перебивают и игнорируют, исключенных из публичной жизни и медиапространства, хотят заткнуть сильнее других. Нас заставляют чувствовать себя жадными до внимания и никому не нужными, хотя мы просто хотим быть частью самых обычных, повседневных взаимоотношений между людьми (а не молчаливо работать, получая несоразмерно меньшую плату за труд).

Попытки заткнуть нас оправдываются тем, что нам якобы свойственны определенные модели плохого поведения, хотя в действительности их можно наблюдать не только у нас. Критике подвергаются качества, которые в иных ситуациях воспринимаются как независимость, борьба за свои права и сила. В течение двадцати лет вам только и говорили: «Вперед, девчонки!» — и тут вдруг: «Стоп, это мы не вам!» Такого отношения достаточно, чтобы из любой женщины сделать Алекс. Эта книга — моя альтернатива сваренному кролику.

ЯНПСИ

ЧТО ТАКОЕ «НЕНАВИСТЬ К ВЕДЬМАМ»?

Люди относятся к женщинам постарше с пренебрежением. Многие из нас знают это, поскольку и сами относились к ним плохо, пока не поняли (слишком поздно!), что все мы когда-нибудь

ВЕДЬМЫ

постареем. Я часто чувствую себя героем известного мема. «Откуда я знала, что леопарды съедят мое лицо!» — восклицает рыдающая женщина, проголосовавшая за Партию леопардов, поедających лица. Я никогда не думала, что с возрастом подвергнусь тому же очернению, что и другие немолодые женщины, ведь мне казалось, что если к человеку относятся плохо, значит, он это чем-то заслужил. Такой образ мыслей в целом очень свойственен нашему обществу. Мы демонизируем женщин старшего возраста, отказываясь идентифицировать себя с ними, и из-за этого перестаем перенимать их опыт, который мог бы подготовить нас к процессу старения. Таким образом, мы отворачиваемся от самих себя в том виде, к которому придем в будущем¹.

Я не буду перечислять миллиарды способов, которыми можно унижить, оклеветать и оболгать немолодую женщину. Моя книга — не подборка эпизодов эйджистской мизогинии, созданная ради того, чтобы выпустить пар (хотя куда без этого). Чего я хочу, так это рассмотреть преемственность между настоящим и прошлым через призму феминистической истории и политики, чтобы понять, почему подобная разобщенность среди женщин все еще существует и в чем особенности ее проявления в наши дни. Женщина среднего возраста — это не просто отдельный тип женщин. Для многих мы воплощаем собой важную стадию политического нарратива, относящуюся к природе женственности, прогресса и упадка. Эйджизм и мизогиния существовали всегда, но в наше время их стало труднее заметить, так как они часто маскируются под феминизм.

Сейчас мы наблюдаем очередную волну противостояния феминизму, и идеальной мишенью для нее становятся женщины среднего возраста. Философ Кейт Манне утверждает, что для того, чтобы ограничивать свободу женщин как класса, не обязательно придерживаться женоненавистнических взглядов и вести

¹ Подобное поведение характерно не для всех молодых девушек. Многие из тех, с кем мне приходилось общаться в процессе работы над этой книгой, признавали, что подобные враждебность и обезличивание не так справедливы, как кажется. Я не утверждаю, что все молодые девушки ошибались так же, как ошибалась я, просто хочу сказать, что мне понятно их заблуждение.

себя мизогинно, поскольку «в качестве объекта ненависти одна женщина может заменять и воплощать собой целую группу». Таким образом, ненавидя женщин среднего возраста, мужчина ненавидит в их лице всех женщин, даже если в повседневном общении он склонен давать отсрочку более молодым из нас.

Дело в том, что быть открытым и последовательным антифеминистом политически и социально невыгодно. Вместо нападок на сам феминизм (с ним приходится смириться, чтобы не оказаться на свалке истории, потому что он, возможно, уже победил) проще нацелиться на женщин, которые с возрастом перестали верить в обещания о равенстве. Такой подход позволяет убеждать молодых женщин, будто определенные формы мизогинной агрессии и маргинализации — лишь временная необходимость, которая не коснется их, поскольку они — другие. Эта убежденность встречается даже во вполне прогрессивных кругах, мол, феминизм будет лучше, когда мы избавимся от «мусора»: старых женщин и плохих феминисток. Как только мы избавимся от этих нетерпимых фанатичек, от злых ведьм, которые только и делают, что все портят, наши чистые души вознесутся в феминистический рай. Процесс, конечно, болезненный, но иначе никак — только после сожжения ведьм оставшиеся женщины удостоятся равенства, которого так давно ждут.

В наше время эйджистская мизогиния, нашедшая выражение в «ненависти к ведьмам», стала весьма коварной. Она убеждает женщин, что прогрессивность требует от них соответствовать давно устаревшим требованиям: молодость, красота, женственность, плодовитость, желанность. Многие называют источником проблем не женщин среднего возраста в целом, а лишь отдельных назойливых его представительниц. К сожалению, женщины моего поколения идеально подходят под все мизогинные критерии. При этом они обладают достаточной свободой, чтобы все выглядело так, будто они сами выбирают быть жертвами ненависти: либо в качестве расплаты за всевозможные «привилегии», либо потому, что они слишком неграмотны, чтобы понять, как мизогиния реально работает. Принято считать, что женщины в возрасте более склонны к сексизму, потому что в них якобы сохраняются

ВЕДЬМЫ

сексистские взгляды прошлого. Символом женоненавистничества становится его жертва. Избавьтесь от нее, и проблема решится сама собой.

Кому же выгодна ненависть к «старым ведьмам»? Всем. Прежде всего, конечно, мужчинам, причем как традиционалистам (для них мы бабищи/тещи/мегеры), так и тем, кто имеет претензию на прогрессивность (для них мы отсталые фанатички / убогие ханжи). Причем если для первых такое изображение женщин остается непреходящим (в конце концов, все женщины в определенном возрасте становятся ведьмами), то вторые придерживаются профеминистского анализа социальных групп. По их мнению, на наше место придет новое, более совершенное поколение женщин среднего возраста. На первый взгляд утверждения этих групп мужчин отличаются друг от друга, но в реальности они служат общей цели — сохранять границу между поколениями женщин и следить за тем, чтобы накопленный общими стараниями опыт можно было легко обесценить.

В то же время мизогиния среди самих женщин, как молодых, не видящих нить, связывающую их со старшим поколением, так и более взрослых, считающих себя «не такими, как все», растет пропорционально близости к мужской власти. Особенность притеснения женщин заключается в том, что мы не являемся меньшинством, а формы, в которых оно выражается, зависят от статуса мужчин в нашей жизни. Дискомфорт, вызванный бессилием и зависимостью от мужчин, превращается в ненависть к женщинам постарше, поскольку, несмотря на то, что их положение схоже с положением более молодых, они уже встроены в эту систему и являются ее пособниками (примерно так можно описать отношение Фредовой к тете Лидии¹). Кажется, что единственный способ достичь истинного сестринства — изгнать тетку Лидию.

¹ Фредова, Лидия — героини феминистического романа-антиутопии Маргарет Этвуд «Рассказ служанки». В фантастическом мире будущего редкие женщины, способные давать потомство, становятся «служанками» — против воли вынашивают детей влиятельных мужчин. Фредова — молодая служанка и главная героиня книги, тетя Лидия — немолодая женщина, обучающая будущих служанок принципам и ценностям нового патриархального общественного строя.

Однако особенность эйджизма заключается в том, что от него не спастись никому. Человек, который не собирается умереть молодым, обязательно станет старым, и с этим ничего не поделаешь, поскольку невозможно задержать бег времени или обернуть его вспять. Из этой особенности вытекают темы, выделенные мной при работе над книгой: стыд, страх, привилегии, зависимость, память, прогресс и регресс, обновление и наследие. Все они затрагивают как политический, так и личный аспекты жизни женщины, пронизывая наши отношения с другими людьми, с собой и со своим телом. Цитируя заглавие антологии феминистических работ о старении 1997 г., изданной Марлин Пиршал, «стареющая женщина — это еще один человек внутри нас». Если нас учат ее бояться, нас учат бояться и себя в будущем.

Тех, кто рождается в женском теле, учат стыдиться не только своей внешности, своей биологии и желаний, но и любых отношений с другими женщинами. О степени этого стыда свидетельствует уже та неуверенность, с которой я печатала слова «рождается в женском теле», будто подразумевающие, что женщины могут этого и не хотеть. Невозможно говорить о феминистической классовой политике, не договорившись о том, что именно нас объединяет. Более того, невозможно искренне хотеть быть собой, если боишься своего потенциала, места, которое можешь занять, или женщины, которой можешь стать. Ненависть к ведьмам становится формой псевдофеминизма, помогающей излить свой стыд и агрессию на женщин старшего возраста, как будто это поможет избавиться себя от их участи. Эта ненависть абсолютно бессмысленна, ведь в глубине души все мы знаем, что постареем, поэтому нам придется как следует постараться, чтобы не быть похожими на представительниц старшего поколения. Для этого нужно находить — или придумывать — различия, которые невозможно преодолеть.

Феминизм имеет склонность отвергать свое прошлое — сжигать мосты, чтобы начать все заново. Это давно замеченное явление, которое Сьюзан Фалуди назвала «ритуальным матрицидом». Раньше я не понимала, как тесно оно связано с желанием большинства людей отправить на свалку не только пережитки движения, но и самих женщин постарше. Наши предшественницы —

это всегда «позорище». В конце 2020 г. завирусился пост, сравнивающий феминизм с коронавирусом. Сходство состоит в том, что и за тем и за другим следует «неприятная вторая волна». Молодая женщина, запостившая это, получила свою долю лайков и подписчиков. И хотя ее замечание принесет куда меньше пользы, чем в свое время принятие закона о равной оплате труда, организация убежищ для жертв домашнего насилия и прочие достижения второй волны, она, по крайней мере, не запачкала руки. Но этого нельзя избежать, когда долго живешь и долго борешься за свои права.

Ненависть к ведьмам также связана со стигмой неудачника. Об этом говорит Кэйтлин Моран в своем бестселлере 2011 г. *«Быть женщиной»*¹. Она утверждает, что «обычно сексизм исходит от мужчин, привыкших относиться к женщинам как к неудачникам». Это чувство мне прекрасно знакомо. Ты как будто слышишь, как кто-то шепчет: «А может, у женщин нет власти просто потому, что они хуже мужчин?» Стоит прислушаться к этому голосу, и ты уже начинаешь сомневаться: а жертвы ли мы? Ожидаемая реакция на такой вопрос — решить, что женщины действительно хуже, но скоро все будет иначе, и что мы не столько жертвы, сколько неудачницы. Таким образом, нашу проблему рассматривают как поколенческую, не связанную с циклом жизни в целом и самой нашей природой, и не видят в ней результат того, как с нами обращались и что с нами сделали. Придерживаясь такой позиции, довольно легко обещать будущим поколениям женщин лучшую жизнь. Главное — не становиться такими, как мы (пусть нам в молодости обещали все то же самое).

В последующих главах мы поговорим о том, какое место карьера, тело, малооплачиваемая работа, прогресс, секс, сообщества и жестокость занимают в жизни женщин средних лет, а также о том, как другие группы демонизируют и эксплуатируют их, как делают из них козла отпущения, чтобы сохранить свои позиции. Ведь женоненавистничество подразумевает не только ненависть к женщинам как таковую, но и способы, помогающие обеспечить сохранение власти в руках мужчин. От вполне дружелюбных мужчин и молодых женщин так же часто, как и от убежденных

¹ Моран К. Быть женщиной. Откровения отъявленной феминистки. М.: Альпина нон-фикшн, 2014.

сексистов, можно услышать истории, рисующие женщин старшего возраста как один большой стереотип, сливной бачок всех уродств, неполноценности, нетерпимости, упадка и отсутствия успеха. Известная старая ведьма Джоан Роулинг говорила: «В данный момент мы переживаем самый мощный подъем мизогинии из тех, с которыми мне приходилось сталкиваться. [...] Женщин по всему миру заставляют молчать — не то будет хуже».

Несмотря на то что за последнее столетие женщинам в некоторых странах удалось многого добиться, последовавший за этим регресс был слишком силен, а прогрессивная часть общества предпочла не бороться с проблемой, а заявить, что некие плохие женщины просто недостойны пожинать плоды феминизма. Ненависть к ведьмам стала завуалированным откатом в прошлое, активно насаждающим и легитимизирующим страх и отвращение к женщинам. Можно сказать, что она несет в себе ту же функцию, что и жесткое порно с участием молодых женщин, представляя собой «культурно одобренный способ» оправдания фантазий о жестокости и насилии. Как и в случае с преследованием ведьм, порнографическое насилие над женщиной можно выдать за нечто праведное, и чем хуже то, что ты хочешь с ней сделать, тем хуже она сама. При таком раскладе немолодые женщины предстают в действительно плохом свете.

Я не пытаюсь доказать, что с политической точки зрения женщины старшего возраста безупречны. Мы все люди и не лишены недостатков. Я скорее борюсь с тем, как используют наши недостатки для формирования негативного образа женщины вообще. Мизогиния, направленная на женщин старшего возраста, не является каким-то особым родом мизогинии, ведь в конечном итоге ее жертвой становится каждая женщина. Это ненависть, обращенная не только к женщинам, но и к их мечтам, надеждам и желаниям. Она морочит нам голову, заставляя стыдиться своего отражения.

КТО ТАКАЯ «ВЕДЬМА»?

Можно сказать, что эта книга будет полезна всем женщинам, поскольку демонизация немолодых женщин — это ловушка, в которую рано или поздно попадают все представительницы женского

пола. Она подрывает передачу опыта от одного поколения к другому, а это, в свою очередь, подрывает основы инклюзивной феминистической политики, существующей вне преград, созданных нашими отношениями с мужчинами того же культурного поля и класса. Молодые женщины лишаются возможности выстраивать определенные типы отношений и слышать определенные истории. «Конфликт поколений, — как писала Одри Лорд, — полезный инструмент для любого репрессивного общества [...] нам приходится повторять ошибки родителей, снова и снова, потому что мы либо не передаем свой опыт, либо не слушаем, когда старшие хотят поделиться им с нами». Существует огромное количество феминистических исследований, посвященных экономике, политике, литературе, философии, науке и истории, а также множество примеров активизма, о которых современные женщины ничего не знают. Даже если им удастся ознакомиться с чем-то из этого списка, их убеждают, что эти работы просто нерелевантны, поскольку созданы женщинами прошлого. Конечно, это вредит нам всем.

И все же в первую очередь эта книга посвящена отдельной социальной группе, пребывающей в определенных возрастных рамках: женщинам средних лет, еще не успевшим стать пожилыми. Я имею в виду женщин поколения X, родившихся между 1965 и 1980 гг. и на момент написания книги достигших сорока-, пятидесятилетнего возраста. Эти границы довольно условны: представительница поколения X, родившаяся в 1980 г., будет иметь больше общего с миллениалами 1981 г. рождения, чем с теми, кто родился в 1965 г. Много будет сказано о немолодых женщинах в целом, а также о молодых, благодаря своему поведению оказавшихся на «тропе ведьмы».

Я решила остановиться на ведьмах своего поколения (я родилась в 1975 г.) по двум причинам. Первую можно назвать социальной — я хочу показать, что значит принадлежать к группе женщин, взросление которых пришлось на крушение второй волны феминизма в 80-х.

Так получилось, что большая часть навязываемой нам информации о прошлом феминизма неверна. Точно так же, как неверно то, что говорят нам сегодня о женщинах. С этим связано три ин-

интересных наблюдения. Первое касается того, как устроен наш взгляд на женщин более старшего возраста: мы формируем свою идентичность не в диалоге с ними, а в оппозиции к ним — как будто основной целью феминизма эпохи наших матерей было сделать нас лучше (сексуально доступнее, умнее и тверже), чем были они. Второе наблюдение показывает, каково взрослеть, одновременно пользуясь выгодами феминистического наследия и чувствуя необходимость противопоставить себя ему. Третье наблюдение говорит о том, что значит пытаться передать свои знания и опыт в условиях, когда сама идея, что у всех женщин есть нечто общее, считается устаревшим пережитком второй волны.

Поколение X — мостик, соединяющий таких гигантов, как бумеры и миллениалы, — стало для феминизма проблемным чадом. Слишком занятые противопоставлением себя другим, мы так и не сформировали свою собственную идентичность, и теперь нам говорят, что взгляды, к которым мы шли полжизни, безнадежно устарели. Сегодня мне хочется сказать молодому поколению, что еще задолго до их рождения я точно так же считала проблематичной вторую волну. Если кто-то и пытался разделить с родителями, так это мое поколение. Проблема в том, что мы стали старше, а с возрастом пришел и опыт (специфический и для нашего поколения, и для нашего пола), изменивший нас и наши взгляды. Хотя мы не виноваты в эйджистской мизогинии, с которой сталкиваемся сейчас, мы все же способствовали культивации тех ценностей, в которых она расцвела.

Вторая причина, по которой я делаю акцент на женщинах среднего возраста, заключается в том простом факте, что мы не такие, как пожилые женщины¹. Одна из самых коварных форм эйджизма — сваливать все, с чем сталкивается человек старше сорока, в одну кучу под общим понятием «немолодость». Но такие негативные явления, как кризис ухода за нуждающимися или рост уровня бедности среди женщин, по-разному отражаются на женщинах среднего возраста и пожилых, в некоторых случаях

¹ Старика повсеместно сталкиваются с предвзятостью, так что я дважды подумала, стоит ли вообще применять максимально нейтральный термин «пожилая женщина» и не вызовет ли он сексистских и эйджистских ассоциаций вроде «выглядишь как старая бабка» и т. д.

ВЕДЬМЫ

усугубляя разделение между ними. Эйджизм во многом является продуктом маркетинга и рекламы, которые разделяют женщин младше 50 лет на группы в зависимости от их желаний и потребностей, а женщин старше 50 лет воспринимают как одно целое, поскольку все они представляют собой единый сегмент рынка. От двадцатилетних меня отделяет примерно такая же поколенческая пропасть, как от Ренате Кляйн и Сюзан Хоторн — авторов феминистической антологии 2021 г. «Еще не умерли» (*Not Dead Yet*), всем героиням которой сейчас уже за 70 лет. Мой опыт как феминистки, а также опыт общения со своим телом и несправедливости, с которой мне пришлось столкнуться из-за того, что я перестала считаться молодой, делает меня отличной как от старшего, так и от младшего поколения. Хотя я стараюсь использовать знания, накопленные моими предшественницами, различия между нами — это еще одно последствие борьбы женщин за право на передачу своего опыта и наследия. На мой опыт влияют многие обстоятельства: я белая гетеросексуальная женщина из среднего класса, имеющая детей. Я говорю об этом не для того, чтобы преуменьшить значение опыта, объединяющего женщин среднего возраста, и не пытаюсь сбросить с себя ответственность за сознательную и бессознательную предвзятость моего последующего изложения. Привилегированность моего положения состоит в том, что на меня часто смотрят как на «стандартную» женщину среднего возраста. Однако в сознании большинства наши привилегии часто распространяются на всех немолодых женщин (я знаю множество женщин из рабочего класса, с которыми под предлогом ненависти к ведьмам обращались как с состоятельными мамашами). Конечно, это не делает положение «стандартной» женщины среднего возраста менее привилегированным, но борьба с ненавистью к ведьмам превращается в более сложный и комплексный процесс. В дальнейшем я опишу некоторые особенно неоднозначные области, касающиеся привилегий, и более подробно проанализирую их в седьмой главе, но важно понимать, что это не будет попыткой прикрыть свой тыл.

Я пишу об опыте женщин среднего возраста — особой стадии жизни, обусловленной накопленным опытом, ответственностью и зависимостью. К 45 годам у 80% женщин в Великобритании

уже есть как минимум один ребенок — опыт, который влияет на их тела, финансы, отношения и социальный статус. Остальные 20% сталкиваются с другими формами дискриминации и социального порицания. «Если у женщины есть дети, она всегда будет восприниматься как мать, — пишет Дороти Норс, — но женщина, решившая не рожать, при этом уже не молодая и не сексуальная, воспринимается многими как бесполезное существо». Поэтому я не хочу преуменьшать значение проблем, с которыми сталкиваются бездетные (намеренно или нет) женщины среднего возраста. Я также не желаю приравнивать опыт всех женщин средних лет к опыту материнства. Однако маргинализация матерей (решивших стать матерями добровольно или вынужденно) и восприятие женщин среднего возраста через призму стереотипов о материнстве влияют на представления о женщинах в целом. Не все из нас становятся матерями, но почти все взрослые молодые люди переживают самый близкий в своей жизни контакт с женщинами среднего возраста именно через отношения с матерью. Всесильная, вечная Мама (не важно, заботливая и нежная или осуждающая и ограничивающая) имеет наше лицо.

Кроме того, я считаю, что опыт деторождения и воспитания детей оказывает физическое, социальное, экономическое и психологическое влияние, формируя определенную базу знаний, передающуюся женщинами от одного поколения к другому. Этот опыт имеет огромную важность, и было бы ошибкой не учитывать его при анализе женского жизненного цикла. В противном случае мы могли бы отбросить любой опыт, не переживаемый в равной степени всеми женщинами, для получения какого-то идеального и незамутненного представления о женщине. Но именно так делает патриархат, для которого идеальная женщина не имеет личного опыта, который позволил бы ей или сформировать свой внутренний мир, или внести свой вклад в коллективную политику женщин. В случае многих из нас опыт беременности и деторождения, не говоря уже об их последствиях, меняет наше отношение к своему полу, гендеру, телу. Это не единственный опыт, приводящий к подобному результату, но именно он помогает понять, почему, например, женщины более старшего возраста не соглашаются с молодыми в вопросах, касающихся

Научно-популярное издание
Танымал ғылыми басылым

Виктория Смит

ВЕДЬМЫ

Как бизнес-леди и мамочки стали
главными врагами человечества

Ответственный редактор *М. Исаева*
Редактор *А. Узбеков*
Художественный редактор *Ю. Меньшикова*
Технический редактор *К. Кочурина*
Корректоры *С. Лукошина, А. Сухарева, О. Левина*
Верстка *Е. Днепров*

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака КоЛибри
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ
Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Өндіруші: «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» ЖШҚ —
КоЛибри тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский
муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191024, г. Санкт-Петербург,
ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус»
Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14-үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 29.10.2024.
Формат 60×88^{1/16}. Гарнитура «Constantia».
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,68.
Тираж 2000 экз. W-FTR-32280-01-R. Заказ №